

Повесть В. П. Титова
«Уединенный домик на Васильевском»

Повесть «Уединенный домик на Васильевском» впервые была напечатана в альманахе «Северные цветы» на 1829 г.¹ с подписью «Тит Космократов». Ее автором был Владимир Павлович Титов (1807—1891) — воспитанник Благородного пансиона при Московском университете, служащий архива Министерства иностранных дел в Москве, с конца апреля — начала мая 1827 г. — чиновник Азиатского департамента того же министерства в Петербурге; впоследствии — видный дипломат (генеральный консул в Дунайских княжествах, посланник в Константинополе и Штутгарте), в конце жизни — председатель Археографической комиссии и член Государственного совета. Литературная деятельность Титова была связана с московским и петербургским периодами его жизни. Он состоял членом литературного общества С. Е. Раича и кружка Любомудров, активно сотрудничал с журналом «Московский вестник»². Псевдоним «Тит Космократов» был составлен из перемещенных фамилии автора и его имени, переведенного на греческий язык (ср.: Тит-ов Влади-мир; κράτος — власть, κόσμος — мир). Кроме «Уединенного домика на Васильевском», Титов опубликовал под этим псевдонимом «ливонскую повесть» «Монастырь Св. Бригиты»³, очерки «Светский человек, дипломат, литератор, воин»⁴ и «Восточная жизнь»⁵.

Титов познакомился с Пушкиным в 1826 г. в Москве после возвращения поэта из ссылки. 12 октября 1826 г. он присутствовал при чтении Пушкиным «Бориса Годунова» у Веневитиновых, а 24 октября встречался с поэтом на обеде, устроенном в доме Ф. С. Хомякова по случаю

¹ СПб., 1828. «Проза». С. 147—217. Альманах вышел в свет в последних числах декабря 1828 г. (см.: *Сияевский Н., Цявловский М.* Пушкин в печати. 1814—1837: Хронологический указатель произведений Пушкина, напечатанных при его жизни. 2-е изд., испр. М., 1938. С. 57).

² См. о нем: *Черейский Л. А.* Пушкин и его окружение. 2-е изд. Л., 1988. С. 435; *Рукою Пушкина* 1997. С. 278 (коммент. М. А. Цявловского).

³ Северные цветы на 1831 г. СПб., 1830. «Проза». С. 125—172.

⁴ Совр. 1837. Т. 7. С. 148—179.

⁵ Там же. 1837. Т. 8. С. 25—61.

основания журнала «Московский вестник»⁶. Живя в Петербурге, Титов неоднократно бывал у него по делам журнала⁷. Его имя упоминается в составленном Пушкиным списке лиц, которым он, по-видимому, собирался разослать свои визитные карточки к Новому 1830-му году⁸, а также в письме к Погодину от 31 августа 1827 г., где поэт хвалил помещенную Титовым в «Московском вестнике» «индейскую сказку» «Переправа»⁹ (Акад. Т. 13. С. 341). Титов послужил прототипом Вершнева, иронически обрисованного героя неоконченной пушкинской повести 1835 г. «Мы проводили вечер на даче...» (в автографе ее Вершневу именуется Титовым — Акад. Т. 8. С. 990).

В основу повести «Уединенный домик на Васильевском» был положен рассказ Пушкина, услышанный Титовым на вечере в доме Е. А. Карамзиной. «В строгом историческом смысле, — сообщал Титов в письме к А. В. Головнину от 29 августа 1879 г., — это вовсе не продукт Космократова, а Александра Сергеевича Пушкина, мастерски рассказавшего всю эту чертовщину уединенного домика на Васильевском острове, поздно вечером, у Карамзиных, к тайному трепету всех дам, в том числе обожаемой тогда самим Пушкиным и всеми нами Екат<ерины> Никол<аевны>, позже бывшей женою кн. Петра Ив<ановича> Мещерского. Апокалипсическое число 666, игроки-черты, метавшие на карту сотнями душ, с рогами, зачесанными под *высокие* парики, — честь всех этих вымыслов и главной нити рассказа принадлежит Пушкину. Сидевший в той же комнате Космократов подслушал, воротясь домой, не мог заснуть почти всю ночь и несколько времени спустя положил с памяти на бумагу. Не желая, однако, быть ослушником ветхозаветной заповеди “не укради”, пошел с тетрадью к Пушкину в гостиницу Демут, убедил его прослушать от начала до конца, воспользовался многими поныне очень памятными его поправками и потом, по настоятельному желанию Дельвига, отдал в “Северные цветы”»¹⁰.

⁶ См.: Летопись 1999. Т. 2. С. 190, 193.

⁷ См. письма Титова к М. П. Погодину 1827—1829 гг.: Пушкин по документам архива М. П. Погодина / Публ. М. А. Цявловского // ЛН. М., 1934. Т. 16—18. С. 694, 696, 697, 698, 700.

⁸ Рукою Пушкина 1997. С. 274.

⁹ «Переход через реку, приключение брамина Парамарты» (МВ. 1827. Ч. 4, № 15. С. 231—245).

¹⁰ Дельвиг А. И. Мои воспоминания. [М., 1912.] Т. 1. С. 158. См. также: П. в восп. Т. 2. С. 116. Упоминание С. М. Бонди о том, что поэт рассказывал эту новеллу гостям Дельвига (*Бонди С. М.* 1) Драматургия Пушкина и русская драматургия XIX века // Пушкин — родоначальник новой русской литературы: Сб. М.; Л., 1941. С. 398; 2) Драматургия Пушкина // Бонди С. М. О Пушкине: Статьи и исследования. М., 1978. С. 220), расходящееся со свидетельством Титова, ошибочно.

Пушкинскую новеллу Титов (переехавший в Петербург в конце апреля — начале мая 1827 г.) мог услышать между 23 мая 1827 г. (дата возвращения Пушкина в Петербург из Михайловского) и 20 октября 1828 г. (дата отъезда поэта из Петербурга в Малинники). Из этого временного промежутка следует исключить период с 19 июня по 16 октября 1827 г.: 19 июня Карамзины уехали в Ревель, а с 27 июля по 16 октября Пушкин уезжал в Михайловское¹¹. Таким образом, описанный Титовым эпизод имел место или между 23 мая и 19 июня 1827 г., или между 16 октября 1827 г. и 20 октября 1828 г.¹². По мнению В. Э. Вацура, «второй из указанных сроков более вероятен, учитывая позднюю дату появления повести»¹³. Повесть поступила в цензуру лишь 27 ноября 1828 г.¹⁴. Для публикации «Уединенного домика» Дельвиг пожертвовал статьей П. П. Свинына, предназначенной для готовящейся к выходу книжки альманаха и, по-видимому, уже отцензурованной¹⁵. В пользу более поздней датировки пушкинского рассказа, считает В. Э. Вацура, свидетельствует и «очень отдаленное знакомство Титова и Пушкина еще в июле 1827 г., почти исключавшее возможность визита Титова в “Демут”; напротив, в 1828 г. общение их довольно коротко»¹⁶. Предположительным вариантом нижней границы датировки может также служить 27 апреля 1828 г. — дата замужества упомянутой в письме Титова Е. Н. Карамзиной¹⁷.

Известно, что услышанную Титовым устную новеллу Пушкин рассказывал в обществе и ранее, по меньшей мере один раз. К 1825 г. от-

¹¹ См.: *Летопись 1999*. Т. 2. С. 268, 277, 287, 310, 468.

¹² См.: *Цявловская Т. Г.* «Влюбленный бес»: (Неосуществленный замысел Пушкина) // ПИМ. М.; Л., 1960. Т. 3. С. 128; *Вацура В. Э.* «Северные цветы»: История альманаха Дельвига — Пушкина. М., 1978. С. 264.

¹³ *Вацура В. Э.* «Северные цветы»: История альманаха Дельвига — Пушкина. С. 264.

¹⁴ См. датированное этим числом письмо О. М. Сомова цензору «Северных цветов» К. С. Сербиновичу (1797—1874): *Вацура В. Э.* К истории пушкинских изданий: (Письма О. М. Сомова к К. С. Сербиновичу) // ПИМ. Л., 1969. Т. 6. С. 289—290.

¹⁵ Там же. С. 290.

¹⁶ *Вацура В. Э.* «Северные цветы»: История альманаха Дельвига — Пушкина. С. 264. Заключение сделано на основании содержания писем В. П. Титова М. П. Погодину (см.: Пушкин по документам архива М. П. Погодина. С. 694, 698—699).

¹⁷ *Цявловская Т. Г.* «Влюбленный бес»: (Неосуществленный замысел Пушкина). С. 128; *Зингер Л. С.* Судьба одного устного рассказа // ВЛ. 1979. № 4. С. 208. Ср. датировку: «октябрь, после 17 — 1828. Апрель (?)» — в: *Летопись 1999*. Т. 2. С. 311, 470—471); верхняя граница здесь мотивирована тем, что 17 октября, следующий день после приезда из Михайловского, Пушкин провел у Дельвига (Там же. С. 311).

носится свидетельство А. П. Керн, касающееся того же сюжета. Керн вспоминала о Пушкине: «Когда он решался быть любезным, то ничто не могло сравниться с блеском, острою и увлекательностью его речи. В одном из таких настроений он, собравши нас в кружок, рассказал сказку про Черта, который ездил на извозчике на Васильевский остров. Эту сказку с его же слов записал некто Титов...»¹⁸ На связь «Уединенного домика» с творческими замыслами поэта указывает и частичная соотнесенность сюжета повести с пушкинским планом «Москва в 1811 году...» («<Влюбленный бес>», май 1821 — октябрь 1828):

«Москва в 1811¹⁹ году —

Старуха, две дочери, одна невинная, другая романическая — два приятеля к ним ходят. Один развратный; другой В<любленный> б<ес>. В<любленный> б<ес> любит меньшую и хочет погубить молодого человека — Он достает ему деньги, водит его повсюду — [бордель]. Наст<асья> — вдова ч<ертовка ?> Ночь. Извозчик. Молод<ой> человек. Ссорится²⁰ с ним — старшая дочь сходит с ума от любви к В<любленному> б<есу>» (ПД 267; Акад. Т. 8. С. 429).

На некоторое соответствие плана «Москва в 1811 году...» и пушкинского рассказа косвенно указывают слова Керн о присутствии в устной новелле черта, ездившего на извозчике (ср. последний пункт плана: «Ночь. Извозчик»). Вывод о несомненном сходстве плана с «Уединенным домиком» сделала В. Н. Писная, которая провела их детальное сравнение. Близким является состав персонажей (Вера, живущая с престарелой матерью, соответствует одной из дочерей «старухи» в плане; Павел, любящий светские развлечения и карточную игру, напоминает «развратного» молодого человека; демоническая графиня может быть сопоставлена с «вдовой — ч<ертовкой ?>» из плана; Варфоломей — «в<любленный> б<ес>»), а также некоторые сюжетные ходы (подобно бесу из плана, Варфоломей любит героиню и пытается погубить Павла, втягивая его в кутежи; в обоих сюжетах встречается эпизод ссоры молодого человека с извозчиком)²¹. В противоположность В. Н. Писной, акцентировавшей близость повести Титова к пушкинскому плану, В. В. Виноградов обратил внимание на сюжетные отличия, как указанные исследовательницей, так и отмеченные им самим («место действия — Москва; две дочери, а не одна; <...> “бордель”; сумасшествие

¹⁸ П. в восп. Т. 1. С. 386, 517.

¹⁹ «1811» переправлено из «1810».

²⁰ В автографе описки: «Ссориться».

²¹ См.: Писная В. Н. Фабула «Уединенного домика на Васильевском» // ПиС. Л., 1927. Вып. 31—32. С. 22.

старшей дочери от любви к влюбленному бесу»), придя на этом основании к справедливому выводу, что повесть Титова, возможно, «представляет собой совсем иное развитие пушкинского замысла и соприкасается с ним лишь в отдельных, правда иногда довольно существенных, частях»²².

Вопрос о том, в каких отношениях находятся между собой повесть Титова и рассказ Пушкина, решался исследователями неоднозначно. После появления в печати в 1912 г. письма Титова А. В. Головнину «Уединенный домик на Васильевском» был перепечатан П. Е. Щеголевым как «новый рассказ Пушкина»²³ и Н. О. Лернером как «забытая повесть Пушкина»²⁴. Эти публикации вызвали полемическую реплику Н. Л. Бродского, писавшего о повести Титова: «...сквозь тяжеловесную структуру ее стиля почти совсем не пробивается классически простая, изысканная пушкинская речь. И до тех пор, пока наши пушкинисты не проделают над рассказом сложного стилистического анализа, пока не вскроют, что от Пушкина и что от Титова, вводить его в инвентарь пушкинских текстов было бы слишком преждевременно»²⁵.

В 1915 г. повесть тем не менее была включена Н. О. Лернером в собрание сочинений А. С. Пушкина под редакцией С. А. Венгерова²⁶. Свое решение Лернер мотивировал тем, что повесть представляет собой «рассказ Пушкина, записанный другим, но редактированный самим Пушкиным»²⁷. При обсуждении плана нового собрания сочинений Пушкина на конференции пушкинистов в мае 1933 г. за включение «Уединенного домика» в состав издания высказался Н. К. Пиксанов²⁸. Эта точка зрения встретила возражения М. А. Цявловского, считавшего, что «текстуально» вводить повесть Титова в собрание сочинений

²² *Виноградов В. В.* Сюжет о «Влюбленном бесу» в творчестве Пушкина и повести Тита Космократова (В. П. Титова) «Уединенный домик на Васильевском» // ПИМ. Л., 1982. Т. 10. С. 125.

²³ День. 1912. 22, 23 и 24 декабря. См. также отдельное издание с послесловием П. Е. Щеголева и Ф. Сологуба: Уединенный домик на Васильевском: Рассказ А. С. Пушкина по записи В. П. Титова. СПб., 1913.

²⁴ Северные записки. 1913. № 1. С. 184—207.

²⁵ *Бродский Н. Л.* Новое о Пушкине // Голос минувшего. 1913. № 4. С. 271.

²⁶ *Пушкин А. С.* [Собр. соч.] / Под ред. С. А. Венгерова. Пг.: Изд. Брокгауза—Ефрона, 1915. Т. 6. С. 181—192 (в составе раздела «Новые приобретения пушкинского текста и дополнения», с подзаголовком «В пересказе В. П. Титова»).

²⁷ Там же. С. 193.

²⁸ См. в его докладе «О составе и организации академического издания Пушкина»: «В приложении следовало бы дать “Уединенный домик на Васильевском”, дошедший до нас в передаче В. П. Титова» (Стенограммы конференции пушкинистов 1933 г. — ПФА РАН, ф. 150, оп. 1 (1933), № 13, л. 2).

Пушкина «хотя бы даже в приложении, хотя бы на пятом, десятом плане <...> — совершенно недопустимая вещь: это не произведение, не сочинение, не текст, не писание Пушкина»²⁹. В Полное академическое собрание сочинений Пушкина 1937—1959 гг. (Акад.) «Уединенный домик» не вошел. Однако Б. В. Томашевский принял решение о включении повести во второе «малое» академическое собрание сочинений Пушкина в качестве приложения, на основании вероятной ее связи с пушкинским сюжетным замыслом, нашедшим воплощение в плане «Москва в 1811 году...»³⁰. Это вызвало неодобрительный отклик Т. Г. Цявловской³¹. В поддержку решения Томашевского высказались Н. Л. Степанов³² и члены редколлегии издания «Пушкин. Исследования и материалы»³³. В дальнейшем «Уединенный домик» в составе пушкинских собраний сочинений не публиковался.

После П. Е. Щеголева, относившего «Уединенный домик» к «пушкинской школе»³⁴, категоричную позицию в вопросе о степени соответствия повести Титова и пушкинской устной новеллы занимал Л. С. Зингер, который находил в повести «почти дословную <...> стенографическую запись пушкинского рассказа»³⁵. По мнению исследователя, в пользу этого свидетельствовали писательская беспомощность Титова, а также его феноменальная память, отмеченная Пушкиным: в наброске «Мы проводили вечер на даче...» Титов-Вершнеф описан как «один из тех людей, одаренных убийственной

²⁹ Стенограммы конференции пушкинистов 1933 г., л. 37. По мнению Цявловского, «Уединенный домик» можно рассматривать в крайнем случае лишь как текст, отредактированный Пушкиным, но тогда он ничем не отличается, например, от текстов других авторов, напечатанных в «Современнике», про которые априорно можно сказать, что какой-то редакторской правке Пушкина они подвергались.

³⁰ *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 10 т. 2-е изд. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. Т. 9. С. 507—540 (в составе раздела «Приложения»; примеч. Л. Б. Модзалевского под ред. Б. В. Томашевского).

³¹ *Цявловская Т. Г.* «Влюбленный бес»: (Неосуществленный замысел Пушкина). С. 127—128.

³² *Степанов Н. Л.* Повесть, рассказанная Пушкиным // Русская литература: Статьи, исследования, публикации. М., 1961. С. 33 (Уч. зап. Моск. пед. ин-та им. В. И. Ленина. 1961. № 160).

³³ См. редакционное предисловие к статье В. В. Виноградова «Сюжет о «Влюбленном бесе» в творчестве Пушкина и повести Тита Космокротова (В. П. Титова) «Уединенный домик на Васильевском»» (с. 122).

³⁴ Уединенный домик на Васильевском: Рассказ А. С. Пушкина по записи В. П. Титова. С. 52.

³⁵ *Зингер Л. С.* Судьба одного устного рассказа. С. 219.

памятью, которые все знают и все читали и которых стоит только тронуть пальцем, чтобы из них полилась их всемирная ученость» (Акад. Т. 8. С. 990)³⁶. Анна Ахматова, полагавшая, что пушкинская устная новелла являла собой иносказательное повествование о реальных событиях жизни поэта, напротив, характеризовала «Уединенный домик» как «топорную копию Титова с зашифрованного подлинника Пушкина»³⁷. О том, что в записи Титова повесть, вероятнее всего, «не сохранила своей подлинной формы», писал Б. В. Томашевский³⁸; о «безоговорочной слабости» «Уединенного домика» говорила Т. Г. Цявловская³⁹, о явном отличии повествовательной манеры «Уединенного домика» от стиля пушкинской прозы писал Л. С. Сидяков⁴⁰.

Стилистические слабости «Уединенного домика» пытался объяснить А. Коджак. «Следует отметить, — писал он, — что сомнения в точности записи Титова основываются <...> на предпосылке, что устная речь Пушкина была схожа с языком его же письменной художественной прозы. <...> Язык же устного повествования Пушкина мог значительно отличаться от его письменного языка»⁴¹. Ту же идею высказывал и Л. С. Зингер, считавший, что в «Уединенном домике» «мы имеем дело не с прозой в обычном смысле, а с печатной публикацией устного рассказа. Законы построения последнего иные, нежели рассказа письменного»⁴². В качестве косвенного свидетельства этого утверждения исследователь ссылался на признание Пушкина в «<Опровержении на критики>» (1830): «Прозой пишу я гораздо неправильнее, а говорю еще хуже...» (Акад. Т 11. С. 148). Мысль об устной природе стиля «Уединенного домика» поддерживал Ю. М. Лотман, связывавший происхождение повести с традицией литературных импро-

³⁶ Ср. известное в передаче К. Бутенева шуточное утверждение Ф. И. Тютчева о том, что Титову было «как будто назначено Провидением составить описание всего мира (*faire l'inventaire de la creation*)» (*Бутенев К.* Владимир Павлович Титов: Письмо к издателю «Русского архива» // РА. 1892. Т. 1, № 1. С. 90).

³⁷ *Ахматова А. А.* Пушкин в 1828 году. <Уединенный домик на Васильевском> // Ахматова А. А. Собр. соч.: В 6 т. М., 2002. Т. 6. С. 166.

³⁸ *Томашевский Б. В.* Петербург в творчестве Пушкина // Пушкинский Петербург. Л., 1949. С. 26.

³⁹ *Цявловская Т. Г.* «Влюбленный бес»: (Неосуществленный замысел Пушкина). С. 127—128.

⁴⁰ См.: *Сидяков Л. С.* Художественная проза А. С. Пушкина. Рига, 1973. С. 29—31.

⁴¹ *Коджак А.* Устная речь Пушкина в записи Титова // *American Contributions to the Seventh International Congress of Slavists.* Warsaw, August 21—27. 1973. Warsaw, 1973. Vol. 2. P. 326.

⁴² *Зингер Л. С.* Судьба одного устного рассказа. С. 220.

визаций в жанре «страшного рассказа», имевших хождение, в частности, в окружении А. А. Дельвига⁴³. А. И. Дельвиг вспоминал, как в 1828 г. он слушал в доме А. А. Дельвига рассказы А. Мицкевича, который «раза по три в неделю <...> целые вечера импровизировал разные большею частью фантастические повести в роде немецкого писателя Гофмана»⁴⁴. Пушкин упоминал о том, что и Дельвиг имел обыкновение рассказывать задуманные им сюжеты: «Д<ельвиг> долго обдумывал свои произведения, даже самые мелкие. Он любил в разговорах развивать свои поэтические помыслы, и мы знали его прекрасные создания несколько лет прежде, нежели были они написаны» («Отрывок из воспоминаний о Дельвиге») — Акад. Т. 12. С. 338).

Запись устного рассказа действительно являлась одной из принятых в пушкинское время форм бытования литературного произведения. Об этом свидетельствует история издания повести Д. В. Полидори (Polidori; 1795—1821) «Вампир» («The Vampyre: A Tale, by the right honourable Lord Byron», 1819)⁴⁵. В предисловии П. В. Киреевского к сделанному им русскому переводу повести она была представлена как устная новелла, рассказанная Байроном в обществе, которую Полидори, «возвратясь домой, спешил записать <...> по памяти и после издал в свет»⁴⁶ (в действительности Полидори не записал рассказ Байрона, а издал под его именем свой, чем вызвал протест поэта⁴⁷). По всей вероятности, текст «Вампира» был известен как Титову⁴⁸, так и Пушкину. На знакомство Пушкина с сюжетом Полидори указывает XII строфа третьей главы «Евгения Онегина» («Британской музы

⁴³ Лотман Ю. М. «Задумчивый вампир» и «Влюбленный бес» // Лотман. Пушкин. С. 347. Лотман повторяет ошибочное мнение С. М. Бонди о том, что Пушкин рассказал свою новеллу гостям Дельвига.

⁴⁴ Дельвиг А. И. Мои воспоминания. Т. 1. С. 77; об устной «гофманиане» см. также: Коренева М. Ю. Гофман // ПИМ. СПб., 2004. Т. 18—19: Пушкин и мировая литература: Материалы к «Пушкинской энциклопедии». С. 117.

⁴⁵ См.: Лотман Ю. М. «Задумчивый вампир» и «Влюбленный бес». С. 348—349.

⁴⁶ Вампир: Повесть, рассказанная лордом Байроном: С приложением отрывка из одного недоконченного сочинения Байрона / (С английского). М., 1828. С. 6 (ценз. разр. 15 октября 1828 г.).

⁴⁷ Подробнее об истории этого издания см.: Hock St. Die Vampyrsagen und ihre Verwertung in der deutschen Literatur // Forschungen zur neueren Literaturgeschichte / Hrsg. von F. Muncker. Berlin, 1900. Bd. 17. S. 72—79; Веселовский А. Н. Байрон: Биографический очерк. М., 1914. С. 137—138; Вацуро В. Э. Ненастное лето в Женеве, или История одной мистификации // Бездна: «Я» на границе страха и абсурда. СПб., [1992]. С. 36—48.

⁴⁸ См.: Вацуро В. Э. Ненастное лето в Женеве, или История одной мистификации. С. 47.

небылицы / Тревожат сон отроковицы, / И стал теперь ее кумир / Или задумчивый Вампир, / Или Мельмот, бродяга мрачный...» — Акад. Т. 6. С. 56), а также стихотворение 1829 г. «Подъезжая под Ижоры...» («Хоть вампиром именован / Я в губернии Тверской, / Но колен моих пред вами / Преклонить я не посмел / И влюбленными мольбами / Вас тревожить не хотел» — Акад. Т. 3. С. 151)⁴⁹. Характерно, что фабула «Вампира» отчасти напоминает события «Уединенного домика»: демонический герой разрушает жизнь своего неопытного друга, доводит его до безумия и губит его возлюбленную. Все это, однако, не позволяет говорить о непосредственном влиянии произведения Полидори на рассказ Пушкина или повесть Титова: как замечает Ю. М. Лотман, «сюжеты такого рода были столь распространены в литературе романтизма, что усматривать здесь какую-либо прямую связь не обязательно»⁵⁰. Мотив записи рассказанного в обществе произведения используется в пушкинских «Египетских ночах» (1835), где текст первой импровизации итальянца предварен следующим объяснением: «Вот они (строфы. — Е. К.), вольно переданные одним из наших приятелей со слов, сохранившихся в памяти Чарского» (Акад. Т. 8. С. 268)⁵¹.

Еще Н. Л. Бродский, как только «Уединенный домик» стал предметом внимания пушкинистов, справедливо указал, что отделение друг от друга «пушкинского» и «титовского» начал в тексте повести является предметом и задачей «сложного стилистического анализа»⁵². Попытку подробного и основательного стилистического исследования повести Титова предпринял В. В. Виноградов. Ученый пришел к выводу, что «общее описание стилевой структуры “Уединенного домика на Васильевском” показывает <...> очень значительные расхождения со стилем пушкинской прозы. <...> Различия сказываются и в отборе слов и выражений, и в приемах их связывания, и в формах распространенных, перифрасти-

⁴⁹ См.: Лотман Ю. М. «Задумчивый вампир» и «Влюбленный бес». С. 349; Фомичев С. А. Владимир Павлович Титов (1807—1891) // Русская фантастическая проза эпохи романтизма: (1820—1840 гг.). Л., 1990. С. 606. «Таким образом, — замечает Ю. М. Лотман, — паре: Байрон — Полидори сопоставляется другая: Пушкин — Титов. Пушкин, конечно, прекрасно это понял...» (Лотман Ю. М. «Задумчивый вампир» и «Влюбленный бес». С. 349).

⁵⁰ Лотман Ю. М. «Задумчивый вампир» и «Влюбленный бес». С. 349. О сходстве сюжетов и историй создания «Вампира» и «Уединенного домика...» см. также: Измайлов Н. В. Тема «вампиризма» в литературе первых десятилетий XIX в. // Сравнительное изучение литератур. Л., 1976. С. 512; Вацуро В. Э. Неаппетитное лето в Женеве, или История одной мистификации. С. 47.

⁵¹ См. об этом: Коджак А. Устная речь Пушкина в записи Титова. Р. 323.

⁵² Бродский Н. Л. Новое о Пушкине. С. 271.

ческих образов»⁵³. Вместе с тем сопоставление «Уединенного домика» с повестью В. П. Титова «Монастырь Св. Бригиты» обнаружило общность основных признаков их «повествовательной манеры»⁵⁴. На этом основании В. В. Виноградов заключал, что в «Уединенном домике» Титов «лишь частично, в очень упрощенном и романтически формализованном виде, использовал общую сюжетную схему» пушкинской новеллы. «Формы ее стилистического воплощения и развития принадлежат почти целиком В. П. Титову и обусловлены его эстетическими вкусами»⁵⁵. Возможный след пушкинской стилистической правки, на наличие которой косвенно указывало сообщение Титова, Виноградов усматривал в начале сюжета: оно представлялось ему «ближе по своей речевой структуре к нормам и стилистическим качествам пушкинского стиля, чем середина и заключительные части»⁵⁶. Серьезные и убедительные возражения у В. В. Виноградова вызвала гипотеза относительно устной природы стиля «Уединенного домика». По мнению ученого, «заранее можно сомневаться в том, чтобы в 20-х годах XIX в., когда формы разговорно-бытового сказа еще совсем не были разработаны в русской литературе, а художественная проза носила резкую печать книжности или стихотворной “поэтичности”, живой пушкинский устный рассказ мог быть непосредственно и адекватно воспроизведен в записи В. П. Титова»⁵⁷.

По мнению большинства исследователей, Пушкину принадлежит лишь общая фабула повести, а также, возможно, некоторые ее сюжетные ходы. Исходя из свидетельства Титова, к последним можно предположительно отнести эпизоды посещения Павлом гостиной графини И., игры в карты, поездки на демоническом извозчике с номером «666»⁵⁸. Ряд образов «Уединенного домика» находят параллели в пушкинских

⁵³ Виноградов В. В. Сюжет о «Влюбленном бесе» в творчестве Пушкина и повести Тита Космокротова (В. П. Титова) «Уединенный домик на Васильевском». С. 134, 136.

⁵⁴ Там же. С. 143, подробнее: С. 143—146.

⁵⁵ Там же. С. 146.

⁵⁶ Там же. С. 138. С точки зрения некоторых других исследователей, Пушкину могла принадлежать и несколько ироническая заключительная фраза повести (см.: Сидяков Л. С. Художественная проза А. С. Пушкина. С. 30; Степанов Н. Л. Повесть, рассказанная Пушкиным // Степанов Н. Л. Поэты и прозаики. М., 1966. С. 137; Фомичев С. А. Владимир Павлович Титов. С. 608).

⁵⁷ Виноградов В. В. Сюжет о «Влюбленном бесе» в творчестве Пушкина и повести Тита Космокротова (В. П. Титова) «Уединенный домик на Васильевском». С. 136.

⁵⁸ См.: Фомичев С. А. Пушкин рассказывает... // Фомичев С. А. Праздник жизни: Этюды о Пушкине. СПб., 1995. С. 126—128.

произведениях. Как указывал еще Н. О. Лернер, «вдова-старушка с хорошенькой простушкой-дочерью, живущие в низеньком домике на окраине города, фигурируют в “Медном всаднике” и “Домике в Коломне”»⁵⁹. Подробное сравнение указанных произведений было проведено В. Ф. Ходасевичем, который полагал, что «Уединенный домик», «Домик в Коломне» и «Медный всадник» связаны общей темой: «столкновение человека с темными силами, его окружающими»⁶⁰. По этому же признаку он вводил в упомянутый список «Пиковую даму»⁶¹. Частичное подобие топографии, состава персонажей и общего сюжетного конфликта (идиллическая картина семейной жизни, нарушаемая вторжением внешних сил) «Уединенного домика», «Домика в Коломне» и «Медного всадника» отмечалось и в работах некоторых исследователей⁶². По мысли Н. Л. Степанова, присущее «Уединенному домику» «сочетание реального быта с фантастикой» сближает повесть и с пушкинским «Гробовщиком» (1830)⁶³. Л. С. Зингер указывал на перекличку эпизодов карточной игры в доме графини И. с пушкинскими «<Набросками к замыслу о Фаусте>» (1822—1825), где герой в аду играет в карты со Смертью, которая «плутует» (Акад. Т. 2. С. 380—381, 928—929)⁶⁴. Выдвинутое А. В. Кулагиным предположение о связи «Уединенного

⁵⁹ Лернер Н. О. Забытая повесть Пушкина // Северные записки. 1913. № 1. С. 187.

⁶⁰ Ходасевич В. Ф. Петербургские повести Пушкина // Аполлон. 1915. № 3. С. 48.

⁶¹ Об отдаленном сходстве ряда сюжетных деталей «Уединенного домика» и «Пиковой дамы» см. также: Степанов Н. Л. Повесть, рассказанная Пушкиным. С. 137—138; Званцева Е. П. Об истоках сюжета повести А. С. Пушкина «Пиковая дама» // Болдинские чтения, [1982]. Горький, 1983. С. 82—90; Потапова Г. Е. «Пиковая дама» А. С. Пушкина и некоторые принципы изображения человека в жанре фантастической повести // «Внимая звуку струн твоих...»: Сб. ст. Калининград, 1992. С. 63—64.

⁶² См.: Писная В. Н. Фабула «Уединенного домика на Васильевском». С. 23—24; Томашевский В. Б. Петербург в творчестве Пушкина // Пушкинский Петербург. Л., 1949. С. 26—27; Ахматова А. А. Пушкин и Невское взморье // Ахматова А. А. Собр. соч.: В 6 т. Т. 6. С. 185—186; Степанов Н. Л. Повесть, рассказанная Пушкиным. С. 135—138; Зингер Л. С. Судьба одного устного рассказа. С. 211—212; Хаев Е. С. Идиллические мотивы в произведениях Пушкина рубежа 1820—1830-х годов // Болдинские чтения. [1983]. Горький, 1984. С. 100—101.

⁶³ Степанов Н. Л. Повесть, рассказанная Пушкиным. С. 132; о возможном, хотя весьма приблизительном, подобии некоторых сюжетных элементов «Уединенного домика...» и «Гробовщика» см. также: Иванов Вяч. Вс. Еще раз об «Уединенном домике на Васильевском» Пушкина // Звезда. 2001. № 6. С. 131—132.

⁶⁴ См: Зингер Л. С. Судьба одного устного рассказа. С. 223—224.

домика» с пушкинским черновым фрагментом 1835 г. «[Развратник радуясь клеветает...]» (Акад. Т. 3. С. 1308), по-видимому, не имеет достаточных оснований⁶⁵.

Правомерность подобных параллелей, впрочем, вызывала у исследователей сомнения. Так, В. Н. Писная справедливо отмечала, что в произведениях Пушкина, связанных с «петербургской» тематикой и сопоставляемых с «Уединенным домиком», отсутствует ключевой для повести Титова мотив «любви беса к женщине»⁶⁶. Более категорично высказалась Т. Г. Цявловская, квалифицировавшая указания на связь «Уединенного домика» с пушкинскими произведениями как домыслы, «лишь декларируемые, но недоказанные»⁶⁷.

Сугубо гипотетический характер носит «биографическая» концепция Анны Ахматовой, полагавшей, что ряд сюжетных ситуаций повести совпадает с реальными фактами жизни Пушкина, а действующие лица — с самим поэтом и его окружением. По мысли Ахматовой, Павел — это отчасти сам Пушкин, Варфоломей («демон-друг-предатель») — возможно, Николай I⁶⁸ или А. Н. Раевский (1795—1868), друг Пушкина в период южной ссылки, обладавший скептическим складом ума и, по воспоминаниям современников, саркастической и злобной натурой. Раевский пользовался репутацией демонической личности; его черты нашли определенное отражение в пушкинских стихотворениях «Демон» (1823) и «Коварность» (1824)⁶⁹. Прообразом Веры послужила А. А. Оленина, которую Пушкин, всерьез увлеченный ею, сравнивал в посвященных ей стихах 1828 г. с ангелом («Ее глаза», «Предчувствие»). Графиня И. напоминала Ахматовой А. Ф. Закревскую⁷⁰ или К. А. Собаньскую, которую Пушкин именовал «демоном» (см., например, текст, предположительно считающийся письмом поэта к Собаньской от 2 февраля 1830 г.: «В вас есть ирония, лукавство, которые раздражают и повергают в отчаяние. <...> Вы — демон, то есть *тот, кто сомневается и отрицает*, как говорится в Писании» — Акад. Т. 14. С. 63, 400;

⁶⁵ См.: Кулагин А. В. Из комментария к пушкинским замыслам 30-х годов // Болдинские чтения. [1994]. Нижний Новгород, 1995. С. 118—120.

⁶⁶ Писная В. Н. Фабула «Уединенного домика на Васильевском». С. 24.

⁶⁷ Цявловская Т. Г. «Влюбленный бес»: (Неосуществленный замысел Пушкина). С. 127.

⁶⁸ См. ниже примеч. 33 к повести Титова.

⁶⁹ Подробнее см.: Пушкин А. С. Дневник 1833—1835 / Под ред. и с объяснительными примеч. Б. Л. Модзалевского и со ст. П. Е. Щеголева. М.; Пг., 1923. С. 208—209.

⁷⁰ См. ниже примеч. 13 к повести Титова.

оригинал по-франц.)⁷¹. Пейзаж городских окраин в начале повести Ахматова трактовала как зашифрованное описание предполагаемой могилы казненных декабристов, разыскиваемой Пушкиным⁷². В безумии Павла она усматривала сходство с поведением князя М. А. Дмитриева-Мамонова (1790—1863) — поэта, публициста, общественного деятеля, несомненно известного Пушкину: Мамонов основал одну из самых многочисленных преддекабристских организаций «Орден русских рыцарей», участники которой разрабатывали планы реформирования государственного устройства; после отказа присягать Николаю I был официально объявлен сумасшедшим и подвергнут принудительному лечению, доведшему его до настоящего безумия⁷³. Концепция Ахматовой вызвала сочувствие и одобрение Ю. Г. Оксмана, но была с осторожностью встречена другими ведущими пушкинистами: В. В. Виноградовым, Б. В. Томашевским, Т. Г. Цявловской⁷⁴. О сугубо гипотетическом характере биографических интерпретаций Ахматовой упоминали также Л. С. Зингер и Ю. М. Лотман⁷⁵.

«Уединенный домик» обнаруживал несомненную близость общим литературным тенденциям эпохи. Современная Пушкину журнальная критика связала повесть с жанром немецкой романтической новеллы, воспринятым в русской «массовой» словесности 1820-х гг.⁷⁶ Подобная точка зрения высказывалась и в пушкиноведении⁷⁷.

⁷¹ Подробнее см.: *Ахматова А. А.* Пушкин в 1828 году. С. 160—173.

⁷² *Ахматова А. А.* Пушкин и Невское взморье. С. 184—195 (см. также ниже примеч. 3 к повести Титова).

⁷³ *Ахматова А. А.* Пушкин в 1828 году. С. 164, 168—169, 171, 174—175; подробнее о судьбе М. А. Дмитриева-Мамонова см.: *Лотман Ю. М.* Матвей Александрович Дмитриев-Мамонов — поэт, публицист и общественный деятель // Уч. зап. Тартуского гос. ун-та. Тарту, 1959. Вып. 78. С. 19—61, 88—92 (Тр. по русской и славянской филологии. Вып. 2); см. также ниже примеч. 32 к повести Титова.

⁷⁴ См. мемуарные наброски Ю. Г. Оксмана от 19 января и 3 февраля 1963 г. в публ.: *Зайцев А. Д.* «Человек жизнерадостный и жизнедеятельный...»: (Набросок портрета Ю. Г. Оксмана по материалам его архива) // Встречи с прошлым. М., 1990. Вып. 7. С. 561—563.

⁷⁵ *Зингер Л. С.* Судьба одного устного рассказа. С. 212; *Лотман Ю. М.* Пушкин и М. А. Дмитриев-Мамонов // Тыняновский сборник: Четвертые тыняновские чтения. Рига, 1990. С. 57—58.

⁷⁶ См. в анонимных рецензиях на «Северные цветы»: МТ. 1829. Ч. 25, № 1. С. 106—107; СПЧ. 1829. № 6, 12 января; Галатея. 1829. Ч. 1. № 5. С. 272—273; см. также: Пушкин в прижизненной критике. [Т. 2]: 1828—1830. СПб., 2001. С. 123—124.

⁷⁷ *Сидяков Л. С.* Художественная проза А. С. Пушкина. С. 31; *Степанов Н. Л.* Повесть, рассказанная Пушкиным. С. 128—129, 132; *Фомичев С. А.* Пушкин рассказывает... С. 132; о тематической и сюжетной близости «Уединенного

Н. О. Лернер вскользь упоминал о связи «Уединенного домика» с повествовательной традицией Э. Т. А. Гофмана (Hoffmann; 1776—1822)⁷⁸. Подробное освещение этого вопроса принадлежит А. Б. Ботниковой. Исследовательница отмечала общее, хотя и приблизительное, сходство фабулы «Уединенного домика» с событиями повести Э. Т. А. Гофмана «Магнетизер» («Der Magnetiseur», 1814), где демонический герой Альбан «втирается в дом барона фон Ф. в качестве друга его сына, своими чарами воздействует на молоденькую дочь барона Марию и обретает над ней полную власть. Девушка умирает во время венчания со своим нареченным женихом, ее брат гибнет на поле боя, умирает и старый барон, не будучи в силах вынести гибель своих детей. Опустевает старый дворянский замок»⁷⁹. Новелла Гофмана была напечатана в «Московском вестнике» в переводе Д. В. Веневитинова под заглавием «Что пена в вине, то сны в голове»⁸⁰ и, по всей вероятности, была известна и Пушкину, и Титову. Как полагает А. Б. Ботникова, именно последний «внес в повесть “гофмановский орнамент”»⁸¹. Вполне вероятно, однако, что связь между «Уединенным домиком» и повестью Гофмана «была не генетической, а типологической»⁸². Предположение Л. С. Зингера о творческой связи повести с поэмой С. Т. Кольриджа (Coleridge; 1772—1834) «Кристалль» («Christabel», соч. 1797, опубл. 1816), сделанное на основании общности «фантастического» характера сюжета и «романтического колорита» двух произведений⁸³, представляется неубедительным. Поэму Кольриджа отдаленно связывает с «Уединенным домиком» лишь эпизод, в котором молодая героиня

домика...» произведениям массовой романтической литературы см. также: Баак Й. ван «Домик» Пушкина и вопрос о неудавшемся русском бидермеере // Четвертая Международная Пушкинская конференция: (Август 1997. Санкт-Петербург — Нижний Новгород): Материалы. СПб., 1997. С. 28—33; о разработках сюжета о девушке, попавшей под влияние влюбленного в нее демона, в прозе конца 1820-х гг. см: Китанина Т. А. Сюжет о безумной невесте и влюбленном бесе // Сюжет и мотив в контексте традиции. Новосибирск, 1998. С. 137—140; описание фабульной структуры и аннотации сюжетов подобных произведений см.: Китанина Т. А. Материалы к указателю сюжетов предпушкинской прозы // ПиС (Нов. серия). Вып. 4 (43). С. 572—576.

⁷⁸ Лернер Н. О. Забытая повесть Пушкина. С. 188.

⁷⁹ Ботникова А. Б. Э. Т. А. Гофман и русская литература (первая половина XIX века): К проблеме русско-немецких литературных связей. Воронеж, 1977. С. 92.

⁸⁰ МВ. 1827. Ч. 5, № 19. С. 244—301.

⁸¹ Там же. С. 93. См. также ниже примеч. 17 к повести Титова.

⁸² Коренева М. Ю. Гофман. С. 117.

⁸³ Зингер Л. С. Судьба одного устного рассказа. С. 220.

впускает в свой дом демоническое создание (у Кольриджа — в облике прекрасной девушки), обретающее над ней колдовскую власть. Подобная ситуация характерна для романтической литературы и, учитывая абсолютное различие основных сюжетных линий двух произведений, не может служить основанием для вывода об их внутренней связи.

Р. Шульц настаивает на сюжетной соотнесенности «Уединенного домика» с повестью Ж. Казота «Влюбленный дьявол»: «И тут, и там события происходят в демоническом городе <...>. И здесь, и там — два приятеля: один (протагонист) ветрен; другой (антагонист) — таинственный человек со странным именем, исповедующий чужую религию. При посредничестве таинственного приятеля ветреный молодой человек знакомится с обольстительной красавицей-бесовкой. Молодой человек теряет голову и попадает в расставленные ему сети, и красавица постепенно начинает им манипулировать. Когда <...> молодой человек вот-вот думает вкусить блаженство, кто-то молодую пару насильственно разъединяет. Молодой человек предпринимает поездку с дьяволом <...> кончающуюся падением героя, его нервным расстройством и исчезновением демона любви. <...> Красивая бесовка устраивает для молодого человека праздничный вечер, на котором гости не люди, а черти»⁸⁴. С. С. Ланда считал, что «отдельные ситуации» «Уединенного домика» «имеют много общего с “историей” беспутного лейтенанта Тибальда де ла Жакьера» в романе Я. Потоцкого «Рукопись, найденная в Сарагосе», однако ни одного примера в подтверждение своей гипотезы не привел⁸⁵.

В числе русских «предшественников» повести называлась «Лафертовская маковница» (1825) А. Погорельского⁸⁶. В начальной части «Уединенного домика» усматривалось сходство с зачином «Бедной Лизы» (1792) Н. М. Карамзина⁸⁷, в эпизоде с извозчиком — ироническая полемика с балладной поэтикой В. А. Жуковского⁸⁸. Е. С. Хаев указывал на соответствие ключевого для «Уединенного домика» сюжетного ряда («домик, вдова, дочка, жених, катастрофа») структуре

⁸⁴ Шульц Р. Пушкин и Книдский миф. München, 1985. С. 73.

⁸⁵ Ланда С. С. «Повешенные» Яна Потоцкого в литературных интересах Пушкина // Ланда С. С. «Я вижу некий свет...». СПб., 1999. С. 179.

⁸⁶ См.: Званцева Е. П. Об истоках сюжета повести А. С. Пушкина «Пиковая дама». С. 83; Лотман Ю. М. Пушкин и М. А. Дмитриев-Мамонов. С. 58.

⁸⁷ См.: Зингер Л. С. Судьба одного устного рассказа. С. 221; Фомичев С. А. Владимир Павлович Титов. С. 608.

⁸⁸ См.: Степанов Н. Л. Повесть, рассказанная Пушкиным. С. 134; Фомичев С. А. Владимир Павлович Титов. С. 609. См. также ниже примеч. 22 к повести Титова..

«сентиментального романа», но не проиллюстрировал свою мысль ни одним примером⁸⁹. Ахматова усматривала наличие соответствий между описанием апартаментов графини И. в «Уединенном домике» и покоев княгини Нины, главной героини поэмы Е. А. Баратынского «Бал» (1828), не настаивая, однако, на генетической связи этих произведений⁹⁰.

А. М. Ремизов был убежден в наличии сюжетного сходства «Уединенного домика» с «Повестью о Савве Грудцыне», литературную переработку которой он осуществил в 1949 г.⁹¹ Как указывает А. М. Грачева, подобная точка зрения во многом отражает творческие установки самого Ремизова, который при обработке древнерусских сюжетов стремился к «переходу от эпического сообщения источника к повествованию, несущему в себе психологическую характеристику героя»⁹². В этом отношении сюжет Титова отчасти послужил Ремизову основой для индивидуализации образа беса: «Бес Ремизова носит обычное <...> человеческое имя Виктор Тайных, бес у Пушкина — имя Варфоломей. Отличительный признак “поведения” Варфоломея, как и Виктора (эта черта идет от древних принципов изображения бесов), — постоянный хохот. <...> Виктор Тайных почти до конца повести (до болезни Саввы и его признания) сохраняет свое инкогнито и для Саввы и для читателя, в то время как в древнерусской повести автор и читатель знают, кто такой приятель Саввы, а Савва — нет»⁹³.

Вопрос о соотносительности «Уединенного домика» и древнерусской «Повести о Савве Грудцыне» был подробно рассмотрен И. П. Смирновым. Исследователь указал на подобие характера взаимоотношений молодого человека и беса, исполняющего в обоих сюжетах функции «притворного помощника» и снабжающего деньгами беспечного героя, проматывающего свое состояние⁹⁴. Смирнов также выделил общие для указанных текстов мотивы «бесовского золота», которым нечисть снабжает связавшегося с ней героя, «адского хохота», вы-

⁸⁹ Хаев Е. С. Идиллические мотивы в произведениях Пушкина рубежа 1820 — 1830-х годов. С. 100.

⁹⁰ См.: Ахматова А. А. Пушкин в 1828 году. С. 160—161.

⁹¹ Ремизов А. М. Бесноватые: Савва Грудцын и Соломония // Ремизов А. М. Соч.: В 2 кн. М., 1993. Кн. 2. С. 80 (впервые: Ремизов А. Бесноватые: Савва Грудцын и Соломония. Париж, 1951).

⁹² Грачева А. М. Повесть А. М. Ремизова «Савва Грудцын» и ее древнерусский прототип // ТОДРЛ. Т. 33. С. 393.

⁹³ Там же. С. 393—394.

⁹⁴ Смирнов И. П. «Уединенный домик на Васильевском» и «Повесть о Савве Грудцыне» // ПИМ. Л., 1979. Т. 9. С. 207.

дающего демона, «стремительных пространственных перемещений нечистой силы, выморочных мест, в которых происходит контакт человека с существами из потустороннего мира, женщины — пособницы дьявола <...> бесовской попытки сорвать исповедь и мнимого братства дьявола и человека»⁹⁵. По словам самого Смирнова, однако, эти мотивы являют собой «смысловое достояние самых разных <...> текстов»⁹⁶. Кроме того, знакомство как Пушкина, так и Титова с «Повестью о Савве Грудцыне» остается недоказанным⁹⁷. Существует мнение, что непрямым источником подобного знакомства могли послужить для Пушкина произведения М. Д. Чулкова⁹⁸, который использовал мотивы демонологической прозы XVII в. (в том числе «Повести о Савве Грудцыне») в новелле «Дьявол и отчаянный любовник» и в повествовании об Аскалоне⁹⁹. Оба сюжета вошли во вторую часть сборника М. Д. Чулкова «Пересмешник, или Славенские сказки», два издания которого имелись в библиотеке Пушкина¹⁰⁰. Вместе с тем в литературных переработках Чулкова «отсутствуют некоторые элементы, общие для “Повести о Савве Грудцыне” и “Уединенного домика на Васильевском” (наущение дьяволом женщины, соблазняющей героя; передача прожигающему жизнь юноше бесовских денег; финальное удаление героя в зону, недоступную мирским тревогам; <...> тема побратимства), и в то же время обнаруживаются такие мотивы, перенятые из памятника XVII в., которых нет в пушкинском сюжете...»¹⁰¹. Существенно также, что в новелле «Дьявол и отчаянный любовник», разрабатывающей тему договора главного героя с дьяволом, последний не разлучает персонажа с его возлюбленной, а, напротив, способствует их соединению. Таким образом, исследователь приходит к справедливому выводу о том, что «мы не располагаем достаточными основаниями, чтобы рассма-

⁹⁵ Там же. С. 209.

⁹⁶ Там же.

⁹⁷ См.: Там же. С. 209—211.

⁹⁸ Горелкина (Журавель) О. Д. Повесть о Савве Грудцыне // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3: (XVII в.). СПб., 1998. Ч. 3. С. 181.

⁹⁹ См.: Ситовский В. В. Очерки из истории русского романа. СПб., 1910. Т. 1. Вып. 2: (XVIII век). С. 136; Смирнов И. П. «Уединенный домик на Васильевском» и «Повесть о Савве Грудцыне». С. 209.

¹⁰⁰ Чулков М. Д. Пересмешник, или Славенские сказки. СПб., 1766. Ч. 1; СПб., 1768. Ч. 4; Чулков М. Д. Пересмешник, или Славенские сказки. М., 1783. Ч. 1; М., 1784. Ч. 2 (Библиотека П. № 419, 420).

¹⁰¹ Смирнов И. П. «Уединенный домик на Васильевском» и «Повесть о Савве Грудцыне». С. 211.

тривать прозу Чулкова как посредствующее звено между “Повестью о Савве Грудцыне” и историей, рассказанной Пушкиным в салоне Карамзиных»¹⁰².

Повесть Титова на протяжении почти ста лет неизменно привлекает внимание исследователей, но тем не менее ни разу не издавалась с развернутым историко-литературным комментарием. Настоящая публикация заполняет эту лакуну.

Повесть печатается по тексту первой публикации в «Северных цветах». Орфография и пунктуация приведены к современным нормам.

¹⁰² Смирнов И. П. «Уединенный домик на Васильевском» и «Повесть о Савве Грудцыне». С. 211.

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

**ПУШКИН
И ЕГО СОВРЕМЕННОКИ**

Сборник научных трудов

Выпуск 5 (44)

«Нестор-История»
2009